

К вопросу об этнокультурных аспектах образования народов, не имеющих государственности

Б. К. Бацин

В термине «народы, не имеющие государственности» содержится некоторая общепринятая мифологема, которую нужно расшифровать, определенное социально-политическое заблуждение, без дезавуирования которого мы не проясним сути вопроса.

Ведь словосочетание «народы, не имеющие государственного образования в Российской Федерации» означает, что будто бы в Российской Федерации есть народы, имеющие государственность.

Откуда это утверждение? Для него нет ровно никаких оснований ни в федеральной, ни в республиканских конституциях. Ни в СССР, ни в тогдашней РСФСР, ни в нынешней России не было и нет ни одного народа, имевшего или имеющего собственное этнонациональное государство. Нигде вы не прочтете, что Россия — это государство русских, а, положим, Татарстан — государство татар. Все, без исключения, субъекты Российской Федерации многонациональны, и ни в одном из них (как и в России в целом) нет никакого государствообразующего этноса. Государствообразующее лицо одно — это многонациональный народ Российской Федерации либо, соответственно, его не менее многонациональные части народа, проживающие в республиках, краях, областях и других субъектах Федерации.

О том, что дело обстоит именно так, убедительно свидетельствует формально-юридический механизм распада СССР. Ведь в основе Союза лежал Союзный Договор не между народами, а между советскими республиками. И в Беловежской Пуще из СССР вышли не русские, украинцы и белорусы, а многонациональные государства — члены ООН — РСФСР, УССР и БССР.

А вот Россия — не договорная, как СССР, а конституционная федерация, ее никто и никогда не создавал из независимых государственных образований. Напротив, исторически она возникла как унитарная, «великая и неделимая», и теперь сама, подобно васнецовскому витязю на распутье, колеблется в выборе между, с одной стороны, превращением в «Соединенные Штаты Евразии» с губернским (земельным, если видеть аналогию с ФРГ) принципом административного деления, с другой — трансформацией в договорную федерацию суверенных государств (субъектов международного права) либо, с третьей, во что-то смешанное, «асимметричное» вплоть до конфедеративных отношений, до возникновения «государств в государстве». Из нашей памяти как-то очень незаметно начинает вытесняться знание того зачастую совершенно случайного (я имею в виду — исторически случайного) обстоятельства, что на момент письменной фиксации — не важно, был ли на дворе IX или XVI-XVIII вв., — этнической принадлежности населения к той или иной территории именно этот этнос оказался доминирующим. Согласитесь, в наше время было бы безумием провоз-

глашать лозунг, хотя бы минимально допускающий возможность воссоздания этнократического государства. В особой степени это относится к сегодняшней России, в историческом времени-пространстве которой вообще трудно найти автохтонный народ. Почти все — очень молодые. Великороссам — около 700 лет, современным татарам и башкирам и того меньше, а что касается Поволжья и Предуралья, то их предки пришли сюда не раньше VI в. Якуты оказались в Якутии одновременно с русскими. А если принять во внимание, что, например, у волжских булгар, кавказских балкарцев и задунайских болгар общие предки, а историческая родина в Южной Сибири, становится особенно наглядной нелепость выяснения вопросов типа: кто здесь первый? Кто здесь главный? И если уж говорить об автономности, то едва ли мы найдем среди народов России кого-то кроме аборигенных народов Севера, которые первыми заселили гигантские пространства тундры и тайги Северной Азии и этногенетически сложились уже полтора тысячелетия назад. Заметим при этом, что аборигенные народы России составляют сегодня менее 1 % ее населения, все остальные, выражаясь сегодняшним социологическим сленгом, из мигрантов и их причудливо перемешавшихся за последнее тысячелетие потомков.

Из сказанного следует пока только один, но зато чрезвычайно важный вывод: налицо ряд интересов — общегосударственных, региональных, этнокультурных; они еще не сбалансированы; взаимные права и степень компетенции либо только-только определяются, либо еще не определены. И вот в такой сложной ситуации нам нужно ответить на вопрос: что же такое национальная школа, чьи интересы она выражает, в каком правовом и культурном пространстве существует?

Начнем с самой принципиальной оппозиции: личность и государство в образовательном поле. Попытаемся сначала определить их интересы «в чистом виде», а потом рассмотрим зону компромисса.

По-видимому, образовательные интересы государства можно свести к следующим крупным блокам:

- обеспечение морально-политического единства народа, который должен быть воспитан (в том числе и прежде всего государственной школой) в сознании гражданства. Для государства нет русских, якутов, тофаларов, цыган, есть только граждане, которые должны сознавать себя гражданами и уважать гражданские права и обязанности;
- обеспечение культурного единства народа, формирование некой матрицы этического-эстетического сознания, которая определяет включенность каждого из нас в общероссийский историко-культурный контекст. Для этого необходимо, чтобы в коллективной памяти народа были какие-то общие символы, признанные и принятые всеми как общенациональные ценности: имена, книги, картины, сооружения и др.;
- обеспечение знания и свободного владения государственным языком, поскольку на нем осуществляется официальное делопроизводство, функционируют федеральные ведомства, армия, высшая школа и пр.;
- обеспечение конкурентоспособности образования — как общего среднего, так и высшего, что особенно важно в нынешних условиях вызова, связанного с выходом России из автаркического состояния последних десятилетий.

Теперь, чтобы, как говорят фотографы, «навести на резкость», предлагаю вспомнить, что именно эти цели преследовала советская школа и разница между той и нынешней политикой в сфере образования состоит именно в отказе от абсолютизации интересов государства и признании не только права, но и необходимости присутствия в образовательном пространстве других «агентов».

Важнейшим из этих «других» является личность.

Начну с констатации некоторых крайне существенных позиций. По действующей Конституции РФ право на определение (либо на неопределение) этнической принадлежности

гражданина имеет он сам. Ни государство, ни соплеменники, ни чиновники не могут устанавливать, какую запись делать в соответствующей графе паспорта или анкеты (пока эти графы еще сохраняются), в какую национальную школу его направлять и т. д. Конечно, когда перед нами ребенок, это решается родителями. Но и у родителей никто не отнимал права быть свободными в выборе и руководствоваться не только «голосом крови», сиречь собственной национальной принадлежностью, но и реальной жизнью, которая гораздо многообразнее примитивных схем типа «кто ваши родители?».

В самом деле, кем «писаться» человеку, если у него отец эстонец, мать татарка, семья всю жизнь прожила в Москве, а он не знает ни слова ни по-татарски, ни по-эстонски? Разумеется, он считает (сознает) себя русским. Еще более характерный пример — письмо ныне покойного замечательного поэта Марка Лисянского, опубликованное несколько лет назад в «Огоньке». Да, по крови я еврей, говорится в письме, но я совершенно русский человек — по складу ума, по культуре, по образу жизни. Я не сознаю, не чувствую себя евреем.

Есть и обратные примеры. Лет двадцать назад из Калужской области в Израиль уехали крестьяне — жители двух больших деревень: они приняли иудаизм, осознали себя евреями и решили соединиться с братьями по вере и новообретенной культуре.

Вывод: человек свободен в своем культурном самоопределении. Я намеренно не говорю — «национальном», ибо это абстракция: человек выбирает именно культуру, с которой идентифицирует себя. Культурный человек заведомо шире своей национальности, он несводим к ней. Может быть, 400-500 лет назад знак равенства между родом-племенем и культурной традицией можно было ставить (и то с очень большой натяжкой и для вполне определенных культурно-исторических зон), но сейчас, в канун открытой информационной цивилизации, думать так было бы просто глупо. Я сам, полагая себя русским, только в кошмарном сне мог бы представить операцию по редукции моей культурной памяти к «чисто русскому» началу, особенно если учесть, что я просто не в состоянии вообразить, что это такое. Какие тексты, какие образы, какие идеи — и, кстати, кем? — вдруг будут признаны «чистыми», «истинными» и т. д.? Куда тогда девать Москву и Питер, построенные в значительной мере иностранцами, куда девать эфиопа Пушкина, шотландца Лермонтова, татарина Карамзина, немца Фонвизина, не говоря уже о евреях Христе? Куда девать действительно великую русскую культуру XVII в. — она украинизирована, XVIII в. — она германизирована и галлицизирована, а уж о последних двух веках и говорить не приходится — тут просто клейма ставить негде, настолько русский дух инфицировался всякими западными и восточными вирусами. (К слову сказать, придется отказаться и от русской школы как системы, доставшейся нам по наследству из тех же времен: она тщательно списана с прусской.)

Моя следующая мысль очевидна до банальности: русские, немцы, англичане, итальянцы, японцы и многие другие народы смогли сделать свои культуры мировыми (по значению, по степени присутствия в других культурах) только благодаря тому, что им удалось выразить какие-то (не все, хотя бы часть) мировые духовные ценности на языке своих родных культур. Подчеркну: не на родном языке, а на языке родной культуры. И все страны, и все народы, входя в XXI в. — век невероятно жесткий и жестокий, достаточно вспомнить о приближающейся всемирной экологической катастрофе, о демографическом и технологическом дисбалансе по оси Север-Юг, — смогут сохраниться и помочь другим при условии, что их культуры окажутся в состоянии перенести новую модернизацию и перейти в новое качество.

Вот с какой точки зрения я предлагаю подходить к проблеме под не совсем корректным названием «национальная школа». Дело в том, что исторически этот термин возник как дополнительный к понятию «школа с русским языком обучения» и имел значение «школы, в которой либо язык обучения, либо язык изучения функционирует как родной (нерусский) язык». При этом объем использования родного языка не имел значения: достаточно было букваря в первом полугодии первого класса, чтобы школа считалась национальной. Впро-

чем, если где-либо применяется нерусский букварь, значит, школьники в классе заведомо нерусские. Поэтому название «национальная школа» отражало и этнодемографический аспект. Но не более того: в содержании образования, в его целях никакого специфически «Этнокультурного измерения» не предполагалось. Между тем некорректность этого термина выступает при его переводе на иностранные языки: так, «national school» по-английски означает «государственная школа», и, чтобы передать смысл адекватно, приходится говорить «ethnic-cultural school». А как мы убедились, это уже совсем другое дело, нежели простое использование учебников и пособий не на русском языке.

Создание школы (образования) на национально-культурной основе в многонациональной стране — задача не из простых. Но она экспоненциально усложняется в России, стране не просто многонациональной и поликультурной (в Европе тоже нет ни одной мононациональной страны), а в стране с отсутствием гражданского общества, стране, народы которой объективно принадлежат к разным цивилизационным зонам, имеют разные скорости исторического развития.

Двух этих факторов уже достаточно, чтобы крепко почесать в затылке, прежде чем определить — не решения, нет, а хотя бы подходы к решениям!

Я сознательно позволяю себе такую несколько ироничную интонацию. Нам уже приходилось задумываться о действительно серьезных вызовах будущего, на которые образование должно найти ответ. И, оставаясь в этой серьезной плоскости, следует поразмыслить: не означают ли подобные призывы, при всем их несомненно искреннем пафосе, стремлений идти вверх по лестнице, ведущей вниз? Не странно ли, что, убежденно произнося слова о необходимости возвращения в куррикулум солидного объема знаний о родной культурной традиции, о событиях, обрядах и обычаях седой старины, оратор затрудняется с конкретным ответом на конкретный вопрос: какое новое актуальное (т. е. востребованное современной жизнью) качество приобретет ребенок в результате этих усилий? Рискну коснуться даже святая святых — родного языка. В некоторых регионах России пошли на резкое увеличение учебного времени на его изучение за счет предметов естественно-математического цикла. Я не ханжа и понимаю, что та же физика не священная корова. Но важен принцип, важен критерий определения иерархии образовательных ценностей: от чего и во имя чего идет отказ?

Учебный план не резиновый. В школах страны почти не осталось вполне здоровых детей. Перегрузки огромны. В общественном сознании физическая культура не относится к числу не только социальных приоритетов, но даже просто значимых ценностей. И на этот фон накладывается новый пласт этнокультурно-ориентированных предметов и курсов.

Экстенсивный, «компонентный» путь неэффективен, хотя он кажется привычным и простым. Нужен путь интенсивный, органический, и он может быть найден только при толковании национальной школы как школы изначально поликультурной, открытой, школы, построенной на диалоге во всех гуманитарных предметах, диалоге между родной культурой и другими, прежде всего русской и соседними.

Почему именно так? Потому что объективно в течение веков внутрикультурная эволюция многонациональной России как мирового цивилизационного феномена происходила через посредство именно русской культуры: эта отзывчивая мембрана оказалась способной стать медиумом между мировой культурной практикой и культурной практикой многочисленных народов и народностей Отечества. Не будем спорить, почему сложилось именно так, а не иначе. Будем исходить из эмпирического факта; русская культура (или, чтобы быть максимально точным, российская культура на русском культурном субстрате) по-прежнему является и еще долго будет являться важнейшим посредником между «Градом и миром» для многих и многих народов России. И как бы их нынешние культурные лидеры ни трактовали роль русской культуры в прошлом, сегодня только она способна защитить от гибели при столкновении с будущим.

Разумеется, реальная картина весьма разнообразна. Ряд народов России сознает себя как диаспору мощных государственных тел за пределами страны: немцы, греки, евреи, корейцы, поляки, представители народов бывших союзных республик СССР. Но и они в большинстве своем живут в российском культурно-политическом контексте и считают его родным.

Давайте еще раз вернемся к вопросу о национальной политике, которую проводит российское государство в образовательной сфере. В законе «Об образовании» прямо говорится о праве учащихся получать образование на родном языке. Ясно, однако, что в рассмотренных реалиях России право не равно и не может быть равно возможности обеспечить его на практике. Далеко не все языки достаточно развиты, чтобы выдержать сложнейшую миссию быть не только языками обучения, но и языками изучения «высокого» класса. В некоторых случаях, предприняв попытку написать на родном языке учебник, к примеру, по физике, авторы заявляли о невозможности создания такой книги. В настоящее время, как и 20 лет назад, в нашей стране можно получить полное среднее образование только на двух языках, помимо русского, — на татарском и башкирском. И не от Министерства образования РФ зависит, состоится ли и если да, то когда прием в этот «клуб» новых членов. И не только от Министерства образования зависит, когда и как произойдет рост числа, например, украинских национальных школ и классов. Мне не раз уже приходилось отмечать, что их малое количество не есть следствие происков «антиукраинского лобби» в нашем ведомстве. Теперь, когда наметились некоторые позитивные сдвиги, особенно хорошо видно, сколько объективных и субъективных причин, находящихся вне сферы образования, определяют ход событий. И едва ли не важнейшая из них — отсутствие личного выбора родителей либо незнание (и нежелание узнать) тех нехитрых процедур», которые нужно сынициировать, чтобы «процесс пошел».

В связи с этим я придаю исключительно важное значение двум новым обстоятельствам. Первое из них то, что активно начали работать общественно-культурные союзы и ассоциации. Второе — принятие законов о местном самоуправлении и национально-культурной автономии. Эти законы создают правовую базу для наиболее успешного решения многих вопросов. Делаются шаги к возрождению гражданского общества в России, а школа, учитывающая не только государственный заказ «сверху», но и социальный заказ «снизу», — неременный и важнейший его атрибут.